

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ЭКСТРЕМИЗМА В СВЯЗИ С ЗАДАЧАМИ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКИ

М.В. Горбаневский
(г. Москва, Россия)

Автор статьи обращается к сложной проблеме, связанной с определением в лингвокриминалистике дифференцирующих признаков, которые позволяют выделить и интерпретировать такие понятия, как «словесный экстремизм», «социальная группа», «экстремистская деятельность», «экстремистские материалы».

Ключевые слова: лингвокриминалистика, спорное высказывание, экстремизм

Действующее российское законодательство устанавливает запрет на любую дискриминацию. В соответствии со ст. 29 Конституции РФ не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации», не допускается использование средств массовой информации в целях разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни.

В ст. 19 Конституции РФ закрепляется принцип равенства и абсолютный запрет на любую форму дискриминации, в ст. 29 Конституции РФ гарантируется свобода мысли и слова.

Конституционные ценности нередко конфликтуют между собой, но неизбывным принципом является положение о том, что гарантии прав и свобод одних людей не должны ограничивать права и свободы других. Никто не вправе, спекулируя на праве свободы убеждений, слова, выражения мнений и оценок, подавать ксенофобские и подстрекательские материалы под соусом выражения в них патриотических идей и убеждений с благородными целями.

Словесный экстремизм, экстремистские высказывания, озвученные и напечатанные в средствах массовой информации – в печати, на телевидении, в Интернете и т.д. – несут в себе огромную общественную опасность. В то же время к этой проблеме нужно подходить с крайней осторожностью. Важная причина, заставляющая вспомнить об осторожности, – сомнения в отношении эффективности законов, направленных на борьбу с высказываниями, разжигающими вражду и ненависть. Такие сомнения высказывают многие правоведы, международные специалисты по вопросам свободы слова. Борьба со словесным экстремизмом не должна привести к злоупотреблению законами со стороны государства для подавления инакомыслия.

Право на свободное выражение своего мнения закреплено в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, где предусмотрены лишь два ограничения этого права, «которые установлены законом и являются необходимыми:

- а) для защиты прав и репутации других лиц;
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения».

Но при этом ст. 19 может и должна рассматриваться совместно со ст. 20 того же пакта, которая запрещает «всякую пропаганду войны» и – что особенно важно в данном случае – «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию».

Действует также ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, где отмечено, что государства-участники «объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения...».

Определение экстремистских материалов содержится в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»:

экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В приведенном определении используется понятие **экстремистской деятельности**, к которой относятся, согласно определению, данному в той же статье:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 уголовного кодекса российской федерации;

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 указанного Постановления:

Под **действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды**, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

При установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 года, и практику

Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Согласно п. 8 указанного Постановления:

Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Согласно п. 23 указанного Постановления:

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда.

В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

В целом следует констатировать, что, по мнению целого ряда специалистов в области юриспруденции и лингвистики, иных экспертов, определение экстремизма или экстремистской деятельности в действующем российском законодательстве носит размытый, недостаточный характер, объединяет в себе разнородные явления, как представляющие особую общественную опасность и подлежащие уголовному преследованию, так и значительно менее тяжкие правонарушения.

Это относится, например, к такому важному пункту определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Под этот пункт подпадают как уголовные преступления, описываемые в ст. 282 УК, так и сходные, но не уголовно наказуемые деяния. В результате известны прецеденты, когда газета может быть закрыта за публикацию, автор которой не привлекался и не будет привлечен к уголовной ответственности (например, именно так была закрыта в 2005 году газета Национал-большевистской партии (НБП) «Генеральная линия»).

Помимо этого, руководствуясь в своем исследовании дефинициями понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», содержащимися в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятом в июле 2002 г., необходимым образом обратит особое внимание всех заинтере-

ресованных сторон на тот факт, что в существенное противоречие с ним входит дефиниция понятия «экстремизм», содержащаяся в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицированной Федеральным Собранием Российской Федерации и подписанной от имени Российской Федерации президентом В.В. Путиным в январе 2003 г.):

«"Экстремизм" – какое-либо деяние, направленное на насильственный (здесь и далее выделено мной – М.Г.) захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон».

И хотя п.1.2 данной статьи содержит важную оговорку («Настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье»), мы полагаем, что Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» нуждается в оптимизации Федеральным Собранием РФ, в том числе, в части доработки и уточнения принятых в нем дефиниций.

Особо следует отметить такое понятие, как «возбуждение социальной розни», поскольку социальной рознью можно считать вообще любое противоречие в обществе, что создает возможность при наличии определенных предпосылок, которые могут носить как объективный, так и, что важно подчеркнуть, субъективный характер, обвинить в экстремистском высказывании любого человека, который публично высказывается о каком-то конфликте или выступает против кого-либо.

Не менее важным является то обстоятельство, что, исходя из известной специалистам-лингвистам практики судебно-экспертной деятельности, в настоящее время отсутствует единое (общепринятое, устоявшееся) определение понятия **социальной группы**.

Разные эксперты и специалисты пользуются разными критериями и системами критериев отнесения тех или иных сообществ людей к разряду социальных групп, что создает предпосылки для нарушения единства судебной практики.

Предпочтительным решением данной проблемы было бы законодательное уточнение данного понятия, например, через введение списка социальных групп, достоинство которых охраняется законом (или соответствующих словесных обозначений), однако такого списка на данный момент не существует.

В общем случае при отнесении того или иного сообщества граждан к разряду социальных групп, достоинство которых охраняется законом, следует учитывать целый ряд разнородных факторов, например:

- наличие объективной и субъективной общности интересов членов группы;
- характер совпадающих интересов (демографический, экономический, политический, морально-этический, социально-психологический, собственно социальный и т.п.). Данный фактор позволяет, к примеру, выделять в особую категорию так называемые «малые» группы, имеющие социально-психологический характер, общность членов в которых мотивируется и поддерживается исключительно межличностными связями (например, сообщество друзей

или коллектив сотрудников одного подразделения фирмы, объединяемых совместной работой);

- является ли отнесение гражданина к данной группе вопросом его самоидентификации;

- требуется ли выполнение каких-то формальных требований или процедур для вступления в группу (для признания гражданина ее членом) и какова их природа;

- может ли гражданин быть лишен статуса члена группы принудительно;

- манифестируется ли группа в обществе через некую общую для всех ее членов деятельность, преследующую определенную цель;

- существуют ли общие для членов группы система ценностей и мировоззрение;

- насколько обособленной является группа;

- обладает ли группа внутренней организацией;

- существуют ли социальные институты, регулирующие отношения в группе;

- являются такие институты формальными или неформальными;

- *etc.*

Необходимо учитывать, что недопустимой является экспертная подмена социальной (а также конфессиональной, национальной и т.п.) группы соответствующим ей формальным социальным институтом. (Ср. цитируемую выше позицию Пленума Верховного Суда о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев. Подобная критика, то есть выражение негативной информации, в том числе сопровождающееся во многих случаях здоровой агрессией, может трактоваться как неизбежная составная часть конфликта; без конфликтов как таковых нормальное развитие общества невозможно).

Следует также иметь в виду существование ярко выраженных «асоциальных» групп, которые, безусловно, удовлетворяют любым мыслимым формальным критериям выделения социальных групп, однако достоинство и интересы которых при этом не подлежат правовой охране (например, преступный мир).

При исследовании спорных высказываний в лингвистической экспертизе во всех случаях требуется четко определять, какие языковые средства используются в тексте для обозначения того или иного сообщества людей и какой точный смысл передают эти словесные средства в спорном контексте.

Только после этого можно говорить о том, относится содержание того или иного спорного высказывания именно к социальной группе – или же речь идет о чем-то ином: о юридическом лице, которое имперсонифицирует и (или) персонифицирует группу, в том числе, возможно, в общественных представлениях, но не тождественно ей, о формальном социальном институте, регулирующем отношения в группе и т.п.

Источник: Экология языка и речи : материалы V Международной научной конференции (3-5 ноября 2016 года) / отв. ред. А.С. Щербак : М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов : Принт-Сервис, 2016, с.182-187.